

Глава I

РАБОТА ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА

Общие замечания о работе древнерусского книжника

Мы видели выше, что механистические теории в текстологии строятся на представлениях о том, что текст живет как бы самостоятельной и независимой внутренней жизнью, что достаточно изучить текст и только текст, чтобы разобраться во всех взаимоотношениях отдельных списков по пути восхождения к архетипам.

Нет ничего более ошибочного, чем эти представления о внутренних закономерностях развития текста.

Нет текста вне его создателей, как и нет литературы вне писателей.

Чтобы восстановить историю текста того или иного произведения, надо вообразить за ним древнерусского книжника, надо знать, как работал древнерусский книжник, проникнуть в его психологию, знать его цели, идеологические устремления, знать «механизм» ошибок. Надо вообразить себе за текстом и за его изменениями человека, который этот текст создал, вносил в него вольные или невольные изменения. Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом. И чем конкретнее окажется этот человек, чем больше у него будет индивидуальных особенностей, отложившихся в тексте, тем достовернее выводы текстолога. Поэтому текстолог обязан иметь научное воображение, должен быть чуток ко всему индивидуальному.

Историю текста произведения нельзя представлять себе в виде истории его механических изменений, как смену вариантов и разночтений. История текста произведения — это прежде всего история работы над ним древнерусских книжников. Я говорю «книжников», а не «переписчиков» или «писцов», так как древнерусские книжники далеко не всегда выступали как простые копиисты текста; они вносили в текст очень часто сознательные изменения, создавали новый текст на основе нескольких списков или исправляли тот текст, который им доставался от предшественников.

Текстолог обязан не только заметить то или иное изменение текста, но и объяснить его, при этом конечное объяснение изменений текста — только в человеке, стоящем за этим объяснением.

Без объяснения изменений текста нет и самих изменений, ибо сущность изменения текста заключается только в сознательной или бессознательной деятельности людей. Бывают, кроме того, и такие случаи, когда текстолог видит ошибку там, где ее нет (чаще всего из-за ограниченности своих сведений по истории языка). Значит, чтобы быть полностью уверенным, что перед ним именно описка, а не особая форма слова, не сознательный пропуск или сознательное повторение, он должен доискаться — почему эта ошибка произошла.

Мы не имеем до сих пор обстоятельного исследования о древнерусских книжниках: кем они были, на каких условиях производили они переписку или работу над текстом, каковы были взаимоотношения между заказчиком и исполнителем работы, как постепенно развивалось ремесло книжника, в какой мере росла «товарность» этого ремесла, производство книг на рынок, особенности книжного рынка в Древней Руси и т. д. Отдельные наблюдения в этой области и собранные материалы касаются по преимуществу профессиональных переписчиков, но ведь работа над рукописями производилась не только ими. Практически текстолог имеет дело с текстами, созданными самыми различными типами книжников: от авторов до простых копиистов. Но между теми и другими было множество градаций «книжных делателей»: тех, кого литературоведы называют редакторами текста, составителями летописных или каких-либо других сводов, стилистических правщиков и т. п. Каждый книжник Древней Руси на свой лад относился к тексту и по-своему его изменял. Под пером книжника текст в той или иной степени получал частицу его индивидуальности, претерпевал изменения от больших и сознательных до совсем ничтожных, вызванных лишь простой невнимательностью. Но «индивидуальность» писца была разная в различных случаях. К богослужебному тексту он мог относиться по-одному — допустим, только рабски его копируя или «исправляя» его по другим текстам, к летописному же тексту он мог относиться по-другому, гораздо свободнее, вставляя в него куски собственного сочинения или сочинений других летописцев. Следовательно, «индивидуальность» книжника сталкивалась с «индивидуальностью» текста. Но средневековый книжник не оставался наедине со своим текстом: его окружали другие книжники, совместно с которыми он мог по частям переписывать свой текст, над ним иногда стоял заказчик, предписывавший ему то

или иное отношение к тексту, он сам принадлежал к определенной социальной среде или работал для определенной среды — рукопись имела идейное назначение, предназначалась для использования ее в той или иной обстановке. Наконец, средневековый книжник работал в определенной исторической обстановке, имел свои убеждения, свой круг начитанности и «наслышанности» и т. д. и т. п. Все это обязан учитывать текстолог. Вот почему знания текстолога не могут ограничиваться одной какой-либо областью. Чем шире знания текстолога и чем «мобильнее» он ими пользуется, чем шире круг тех объяснений, которые он может привлечь к своей работе, — тем успешнее он работает. Текстологи, пытавшиеся ограничиться механическим анализом разночтений и только на этом анализе строившие взаимоотношения списков, до крайности сужали свои возможности.

В нашу задачу не может входить всестороннее рассмотрение всех тех сведений, которые могут пригодиться текстологу в его исследованиях. Сосредоточим свое внимание на самом процессе работы древнерусского книжника с той целью, чтобы дать представление о разнообразии явлений в этой области, которые должен учитывать текстолог.

Процесс письма

Заглянем через плечо древнерусского книжника. Он сидит на «стульце», положив рукопись на колени¹. Рядом с ним на низком небольшом столике письменные принадлежности: чернильница и киноварница, маленький ножик для подчисток неправильно написанных мест и чинки перьев, пещочница, чтобы присыпать песком непросохшие чернила. Он пишет не в переплетенной книге², а в отдельных тетрадах, т. е. согнутых в два, в четыре раза листах пергамена или бумаги, которые только потом переплетают в книгу, и иногда очень нескоро. Поэтому, если книга не сочинялась, а только переписывалась, одну и ту же книгу могли писать одновременно несколько переписчиков: один писал ее первые листы, другие — их продолжение (в уже переплетенных книгах обычно не писали: писали на листах, которые затем переплетались).

Если писцы писали не одновременно, а последовательно, то промежутка между почерками не получалось: кончил один и на том же месте принялся другой. Но в древнерусских рукописях чаще всего встречается другой тип смены почерков: один почерк кончается, затем следует чистое окончание тетради (незаполненный лист или часть листа), а следующий почерк начинается уже со следующего листа. Очень часто такая смена почерков означает, что писцы переписывали расшитую по тетрадам рукопись и каждый писец

¹ Столы были низкими и на них при работе лежали письменные принадлежности.

² Единственное известное мне исключение — рукопись 1665 г. БАН, № 32.5.7, но писана она русским писцом в Стокгольме (см.: Д. С. Лихачев. «Плач о реке Нарове 1665 г.». — ТОДРЛ, т. VI. М.; Л., 1948. С. 333–338).